

СИМВОЛИЗАЦИЯ ОБЫДЕННОГО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ж.А.Вардзелашвили

Тбилиси, Грузия

Summary: Almost all words in the language cover the way from denotation of the objects to experience via the logic of cognition, to creative work, intuition, and symbolism. Behind world-symbols stand ideas and systems of ideas, not expressed, but presented in the language reality as a sensual experience. In the article a process of symbolization of the everyday life concept «bread» in Russian linguistic consciousness is described based on developing denotations alive in the given culture, in the context of a reconstructed symbolic reality.

Исходными предпосылками предлагаемой работы являются следующие положения:

1) Картина мира неразрывно связана с человеком как субъектом познания. Мир, понятый как картина, – это не его изображение, а стремление человека систематизировать Вселенную: природу, историю, бытие. Глубинная связь языка и мышления образует уникальный человеческий феномен – мировосприятие.

2) Каждый народ наделен специфическими чертами мировосприятия и мышления. И эта специфичность берет свое начало в языке, на котором человек мыслит, оценивает, категоризирует.

3) Язык имманентен культуре. Смысловые элементы культуры накапливают значения, разрастаются и символизируются. Переходя из одной эпохи в другую, они сохраняют свои константные составляющие. Эти смыслы передаются различными семиотическими кодами, самым совершенным из которых является человеческий язык, формирующий языковую картину мира.

Семантическое пространство языка покрывает картину освоенного мира, вбирая в себя лингвистическое и экстралингвистическое знание. Языковая картина мира – это не научное отражение понятого мира, а зафиксированное в языковых формах коллективное сознание этноса, в том числе и донаучное. То, что слово-знак есть гораздо больше, чем номинация реалии, – это почти лингвистическая аксиома. Содержание знака расширяется для человека вместе с расширением границ его мира. Культурно освоенные смыслы – это не только прямые связи слова с референтом, но и невидимые нити ассоциаций, основанные на общей культурной памяти. Сознание оперирует категориями более высокого порядка, чем физическая природа знака. И тогда язык может пониматься как ступень в осознании жизни.

Почти все слова языка проходят путь от обозначения вещи через логику познания к переживанию, творчеству, интуиции, символизации. В философии символ – это предельное обобщение вещи или явления, слия-

ние форм внешнего и внутреннего, при котором означаемое неразрывно с означающим, но, с другой стороны, не отождествляется с ним [Лосев 1967]. Символы существуют для того, «чтобы расширить наше знание о нас самих, то есть о культуре, о собственной психике, о собственном поведении...» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 101]. За словами-символами стоят идеи и целые системы идей, не выраженные, но присутствующие в языке действительности.

Существенно, что из поколения в поколение передается не только содержательное значение слова, но и связанный с ним коллективный символ. При этом даже самые обыденные слова могут оказаться символами высокой духовности. Такие слова «подобны свободному концу <...> в спутанном клубке шерсти: потянув за него, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный “клубок” установок, ценностей, ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространенных сочетаниях, в устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, в пословицах и т.д.» [Вежбицкая 2001: 38]. В них фиксируется путь, пройденный словом-знаком от обозначения реалии к осмыслению, концептуализации понятия и – через слияние в сознании физического и метафизического – к его символизации.

В каждом языке существуют «опорные концепты»¹ (по терминологии М.Мамардашвили), «ключевые слова» (в терминологии А.Вежбицкой), наиболее значимые для культуры, которая отражается и символизируется в конкретном языке. Вместе с тем, многие концепты являются культурными универсалиями. И в этом случае речь идет о феноменах, которые не ограничиваются ареалом одной культуры. С другой стороны, как утверждают исследователи, любая отдельно взятая культура не гетерогенна – это всегда сплетение различных традиций. По образному замечанию американского антрополога Р.Редфилда, существует культура храмов и школ и культура крестьянской общины [Redfield 1956]. И, следовательно, интерпретация символа, закодированного в слове, может не совпадать у носителей языка в пределах одного ареала. Поэтому исследование фактов языка ориентировано на абстрактную языковую личность, находящуюся между названными полюсами редфилдовской оппозиции.

Воспользуемся метафорой выдающегося лингвиста и попытаемся сквозь призму языка и культуры «распутать клубок», сплетенный в языковом сознании в концепт «хлеб». С лингвистической точки зрения, «семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие» [Карасик 1996: 4]. Хлеб – едва ли не самое естественное понятие обыденной жизни человека. Люди едят везде, и везде, где народ имеет традиции земледелия, есть нечто, что становится его «хлебом», т.е. не только конкретным продуктом питания, но и символом пищи вообще.

¹ В данной работе «слово» и «концепт» понимаются как во многом синонимичные термины различных направлений.

Однако не только символы, но и путь к символизации языкового значения может различаться от культуры к культуре.

Чтобы проследить, как языковой знак превращается в одно из ключевых слов языковой картины мира, обратимся к лингвокогнитивному анализу, который в нашей методике включает в себя классическую процедуру компонентного анализа лексического значения слова и его дальнейший анализ на наномасштабном уровне, для выявления мельчайших элементов смысла, наносем². *Большой толковый словарь русского языка* дает семь толкований лексемы «хлеб»:

«1. Пищевой продукт, выпекаемый из муки. 2. Тесто, приготовляемое для выпечки. 3. Зерно, из которого готовится мука, идущая для выпечки такого продукта. 4. Зерновые на корню. 5. Пища, пропитание. || Об основном пищевом продукте (какой-л. страны, местности). 6. Средства к существованию. 7. О самом важном, необходимом для существования кого-л., чего-л.». В словарной статье приводится также с пометой «трад.-нар.» следующее значение лексемы: «Угощенье (первоначально в виде хлеба с солью)» [БТСРЯ 2000].

Реконструируем фрагменты действительности, которые закрепляются в языковом сознании за словом «хлеб»: *растение + зерно + мука + вода + тесто + выпечка + продукт + пища + пропитание* → **существование**. Каждая из перечисленных сем, актуализируясь в различных сочетаниях, в свою очередь, вступает в системные отношения с логически или ассоциативно связанными референтами. Например, сема «зерно» связана с референтами «труд», «земледелие», «урожай», «засуха», «голод», «жизнь» и т.д. А сема «тесто» связана с водой, солью (отсюда – «хлеб-соль»). Этот же ряд демонстрирует, как происходит символизация значения слова «хлеб» до обобщающего смысла: самый важный продукт для существования человека; символ пищи, жизни; **нет хлеба – нет жизни**.

Проследим далее, как смысловые оттенки значения слова «хлеб» (и его дериватов) развиваются до обобщающих культурно освоенных смыслов в устойчивых выражениях, высказываниях, пословицах и поговорках русского народа.

Представление о хлебе как о символе пищи, о том, что без хлеба нет жизни, предписывается в качестве обязательного всем носителям русского языка. «Хлеб насущный», «Хлеб – всему голова» (культурно освоенный смысл, КОС: хлеб – самое главное, основной продукт питания), «На чужой каравай губ не надувай, а пораньше вставай да свой затирай!», «Была бы голова на плечах, а хлеб будет» (КОС: хлеб дается тому, кто трудится), «Посадить на хлеб и на воду», «Перебиваться с хлеба на воду» (КОС: оставить/ иметь самое малое), «Зарабатывать на хлеб» (КОС: зарабатывать на жизнь), «Есть чужой/ свой хлеб», «Чужой хлеб горек» (КОС: жить за чужой счет/ самому зарабатывать на жизнь), «Легкий/ тяжелый хлеб» (КОС:

² Это попытка разложить основную единицу лексико-семантического уровня языка – семему – на еще более мелкие элементы: сему, семантический маркер, дифференциальный признак, компонент значения, атом смысла, наносему. Подробно изложено в: [Вардзелашвили 2003, 2007].

легко/ трудом зарабатывать на жизнь), «Хлебное место», «Хлебный край» (КОС: выгодный, доходный, прибыльный), «Не брезгуйте хлебом-солью» (КОС: гостеприимство). При этом изделия, приготовленные из теста, но не имеющие обобщающего смысла «самый главный пищевой продукт», осмысливаются в русском языковом сознании с явно выраженной отрицательной коннотацией. Пироги пекутся с начинкой, но лучший пирог – это «Пирог с молитвой (хлеб)», «Пироги до того доведут, что и хлеба не дадут», «Ешь пироги, а хлеб вперед береги» (КОС: пироги – баловство, расточительство, следует помнить о черном дне), «Хлеб с водою, да не пирог с лихвою» (КОС: лучше в скромности, чем в сытости, в излишней роскоши). Оценочные суждения фиксируются в русском сознании и на уровне языковых формантов (уменьшительно-ласкательные суффиксы): *хлебушко*, *хлебушек*: «Счастье наше в хлебушке».

Итак, «хлеб» осмысливается как более абстрактное «пища» [см. об этом: Степанов 2004: 316-317], соотносится с символом жизни и понимается как самый главный продукт, который добывается в поте лица. Он может быть *горьким*, *чужим*, *сухим*, *пустым*. Русское языковое сознание разделяет хлеб, приготовленный только на воде (пресный, т.е. не кислый, без закваски), и хлеб, приготовленный на дрожжах, с добавлением закваски.³ Вода является обязательным компонентом для приготовления обоих видов хлеба, соль же обязательна для хлеба дрожжевого. В устойчивых сочетаниях русского языка хлеб символизирует радушие и гостеприимство. Этот символ закреплён в символической связке «хлеб-соль». В этой связи, как полагаем, интересны данные, полученные нами в результате анализа данного фрагмента картины мира на материале грузинского языка. Выявлено почти полное совпадение культурно освоенных смыслов, закреплённых в обоих языках за символическим «хлеб», поэтому практически совпадают и ценностные установки в общем, почти мистическом отношении к хлебу. Но грузинское языковое сознание параллельно с «хлеб-соль» в значении символа гостеприимства закрепляет ещё одну связку – триаду «хлеб-соль-вино» (второй компонент *соль* может быть опущен). По мнению ряда исследователей, именно связка «хлеб-вино» является для грузинского языка первичной. Это предположение подтверждается и частотностью символа в грузинских фольклорных текстах, пословицах.

Оговорим, что при рассмотрении символов необходимо учитывать так называемую «символическую реальность», а именно: «что всякий символ будет нам являться как некий комплекс объектов или действий, ни одно из которых не существует (как символическое!) вне единства этого комплекса» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 155]. Эта символическая реальность понимается как конкретизация многообразия смыслообразующих связей всего культурного контекста, как комплекс бытийного, исторического, рационального и иррационального. Попытаемся создать конструкт

³ Как считают исследователи культуры, способ приготовления продукта, даже из одного и того же вещества, имеет существенное значение при различии культур.

«символическая реальность» для анализируемых единиц языковой картины мира.

Русский и грузинский языки являются языками православной культуры. Оба языка осмысливают хлеб как **символ жизни**. Причем, в этом символе достаточно ярко прослеживается перетекание смыслов из одного пласта бытия (сферы реального) в другой (сферу идеального). Хлеб является символом жизни не только в этом, человеческом мире, но и в мире божественном. Самый главный хлеб – это хлеб, подаваемый для причащения. И для русской, и для грузинской культуры – это обязательно дрожжевой хлеб из теста с солью, поскольку в православном богослужении Евхаристия совершается только с квасным хлебом. А, к примеру, в иудейском пасхальном обряде подаются тонкие лепешки из пресного теста. Квасной – значит дрожжевой, с солью. И здесь, очевидно, есть глубинная связь с символизацией соли, которая восходит к высказыванию Христа, обращенного к ученикам: «Вы – соль земли». На особую связь отдельных понятий в языковом сознании могут указывать и косвенные языковые факты, недоступные вне лингвокультурологического анализа. Например, на то, что хлеб, вино и соль являются связкой, символизированной в православном мировосприятии, указывает сема «брожение», где брожение – это жизнь, движение, рост, подъем. Имплицитно она присутствует в обоих словах, а эксплицируется в устойчивых языковых конструкциях: *тесто бродит – вино бродит*. Известно, что в римско-католической и лютеранской церкви для Евхаристии употребляются небольшие круглые лепешки из пресного, не дрожжевого, не соленого теста. А православная просфора – это небольшая круглая булочка, выпекаемая из пшеничного квасного теста. В таком хлебе символизируется жертва благодарения: человек жертвует Богу самое главное (символ земной жизни) и в ней же обретает как благодать символ вечной жизни. Именно об этом русская поговорка «Нет хлеба дороже, как в просвире...». Совершенно неожиданной в этом контексте представляется ее продолжение: «...а золота, как в кольце». Ожидаемо, что для православного христианина хлеб неразрывно должен быть связан с вином как частью христианского таинства Евхаристии. Однако русское языковое сознание молчит об этом⁴.

В чем кроется причина этого явления? Обратимся к словарной дефиниции. БТСРЯ 2000 фиксирует только одно значение слова «вино»: алкогольный напиток, получаемый в результате полного или частичного брожения винограда или плодово-ягодного сока. С пометой «разг.» словарь отмечает, что словом «вино» в русском языке называется и любой алкогольный напиток: водка, самогон и т.п.: «Хлебное вино (= водка)». Компонентный анализ дает следующие семы: жидкость + напиток + алкогольный + брожение + виноград (или другой сок) → **опьянение**. Таким образом, в русском языковом сознании слово «вино» концептуализируется в символикке двух слов – «опьянение» и «водка», – что подтверждается результатами анализа: жидкость + напиток + алкогольный + брожение + виноград (или другой сок) + хлебное вино → **водка** → **опьянение**. В этой

⁴ Вывод сделан на основании собранного языкового материала.

связи интересно наблюдение известного лингвиста и культуролога Ю.Степанова, который считает, что употребление крепкого спиртного восходит к связке «Хлеба и зрелищ!», лежащей у истоков современной европейской цивилизации. То есть забота о хлебе насущном, тяжелый труд и нечто, что поможет забыть об этом труде и заботах: «Как связаны “хлеб” и “зрелища” в Древнем Риме, так связаны и в России “хлеб” и “водка”» [Степанов 2004: 320]. Далее ученый проводит мысль о том, что в каждом ареале в мире существуют не только опьяняющие напитки, но и растительные наркотические средства (конопля, грибы, кокаиновый куст и т.д.), характерные для данной культуры. В ареале всегда действует принцип: самым распространенным опьяняющим (наркотическим) веществом со временем становится самое крепкое. Для русского ареала – это водка (хлебное вино), вызывающая опьянение гораздо более сильное, чем вино виноградное. А опьянение – это уход от тяжести бытия. «Опьянение как переход опьяненного человека в иной мир, в мир потусторонний, – универсальная черта всех культур, – пишет Ю.Степанов. – ...Дело только в том, как расценивается самый этот мир – как мир всеблагих богов, *sanctus*, или как мир темных сил, мир запретный, для человека пагубный, неприкасаемый, *sacred*» [там же: 329]. По мнению исследователя, оба мира – факт русской культуры. Двойное отношение к вину, пьянству, водке подтверждают устойчивые выражения и пословицы русского народа: «Сам хлеба не стоит, а еще вино пьет», «Хлеб на ноги ставит, а вино валит», «Недорог виноград терский, дорог хлеб деревенский» и «Коли сыт да пьян, так и слава Богу», «Поп в колокол, а мы за ковш». Как видим, русское языковое сознание высшей ценностью признает только хлеб, в то время как в грузинском сознании рядом с ним стоит и вино.

Если отталкиваться от мысли Ю.Степанова, из этого следует, что вино в грузинском ареале не закрепилось исторически как самое сильнодействующее опьяняющее средство. Оно в большей степени ассоциируется с радостью, весельем. С весельем изначально ассоциировалось питье и на Руси, о чем говорит знаменитое «Веселие Руси есть пити...». При этом пились не водка, а мед, брага. Со временем легкие напитки вытесняются сильнодействующей водкой, а «пити» перестает быть «веселием». Качественно иное отношение к вину в грузинском обыденном сознании восходит, в первую очередь, к общей традиции ареала. Однако именно в этой точке культуры, на территории одного ареала, ценностные оценки могут и расходиться, если в их основе лежат иные религиозно-метафизические установки. Так, общеизвестно, что в исламском мире употребление вина категорически осуждается. Значит, в языковом сознании неизбежно фиксируется и профессиональное осмысление понятий.

По данным Библейской энциклопедии архимандрита Никифора, виноград, лоза и вино еще в Ветхом Завете упоминаются как символы мира, спокойствия, радости, совершенства, всего, что красиво и полезно. Эта традиция развивается в христианстве: «Изображая внутреннее духовное и теснейшее единение верующих с Собою, сам Господь называет Себя виноградной лозой: *Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой виноградарь* (Ин. XV, 1-6), и под видом хлеба и вина (виноградного) Он пре-

подал нам высочайшее Таинство Тела и Крови Своей (Мф. XXVI, 26-28 и др.), заповедав всем нам всегда совершать сие в Его воспоминание» [БЭ 2005]. Об этом говорится и в Рождественском послании Святейшего и Блаженнейшего, Патриарха Всея Грузии Илии II: «Для наших предков вино и хлеб, кроме своего обычного значения, были связаны с символом тела и крови Спасителя. Поэтому у грузинского крестьянина было особенное отношение к ним, он особенно ухаживал за ними <...> и это должно быть восстановлено» (2009). Следовательно, налицо факт несовпадения символической реальности, отсюда и разное смысловое наполнение знаков, номинирующих понятие «вино» в русском и грузинском языках. Отсюда, очевидно, и расхождение в традиционной сочетаемости символа «хлеб» в русском и грузинском языковом сознании: «хлеб-соль» и «хлеб-соль-вино».

Символ основывается на культурных традициях, он формируется как ценность и опирается на взаимосвязи всех культурно освоенных и символизированных элементов. Зафиксированное расхождение может быть связано с архетипами культуры каждого народа, всем историческим и культурным контекстом символизации смыслов в языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Redfield 1956 – *Redfield R. Peasant Society and Culture. An Anthropological Approach to Civilisation.* Chicago, 1956.
- БТСРЯ 2000 – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.
- БЭ 2005 – Библиейская энциклопедия. М., 2005.
- Вардзелашвили 2003 – *Вардзелашвили Ж.* Наносемы лексических структур // Русское слово в мировой культуре. СПб., 2003.
- Вардзелашвили 2007 – *Вардзелашвили Ж.* Наносемы как латеральный компонент значения слова // *Acta Linguistica.* Vol. 1. Sofia, 2007. No 1.
- Вежбицкая 2001 – *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. М., 1997.
- Карасик 1996 – *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: культурные концепты:* Сб. науч. тр. Волгоград, Архангельск, 1996.
- Лосев 1967 – *Лосев А.Ф.* Проблема становления символа и реалистическое искусство. М., 1967.
- Мамардашвили, Пятигорский 1997 – *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символической реальности и языке. М., 1997.
- Степанов 2004 – *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
- Фоли Дж.* Энциклопедия знаков и символов. М., 1997.